

УДК 811.35

ЛОКАТИВНЫЕ И НЕЛОКАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

М. И. Магомедов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Одной из характерных особенностей имени существительного в аварском языке является многопадежная система склонения. В современном аварском литературном языке основные (абстрактные) падежи представлены именительным, эргативным, родительным и дательным. Кроме того, как и в других дагестанских языках, представлены также местные (пространственные) падежи. В аварском языке пространственные падежи используются для выражения не только пространственной семантики, но и определенных синтаксических отношений.

One of the characteristic features of the noun in the Avar language is the multi-case declension system. In the modern Avar literary language the main (abstract) cases are represented by the nominative, ergative, genitive and dative ones. In addition, as in other Daghestan languages, the local (spatial) cases are also represented. In the Avar language the spatial cases are used to express not only spatial semantics but also certain syntactic relations.

Ключевые слова: местные (пространственные) падежи, склонение, превербы, послелого, формант, глагол, морфема.

Keywords: local (spatial) cases, declension, preverbs, postpositions, formant, verb, morpheme.

На морфологическом уровне пространственная семантика в аварском языке реализуется, прежде всего, посредством многочисленных местных падежей. Система местных падежей аварского языка располагает разнообразными формантами, выражающими пространственные отношения. Их можно разделить на форманты, выражающие определенное место нахождения объекта в пространстве по отношению к ориентиру, и форманты, выражающие двигательные состояния относительно ориентира.

Система местных падежей, расчлененно выражающая семантику локализации объекта в пространстве относительно ориентира, постоянно привлекает внимание исследователей. Неизменный интерес к этой теме объясняется и тем обстоятельством, что пространственные категории являются центральными для человеческого мышления. Пространственные представления, вырабатываемые языковым сознанием, создают основу языковой модели мира в рамках каждой отдельно взятой культуры.

Наименее исследованной частью проблемы выражения пространственной локализации является грамматикализация языковых средств, выражающих пространственные отношения, и прежде всего, грамматикализация в сфере имени (местные падежи) и глагола (становление системы превербов).

Отмечая многопадежность дагестанских языков, что составляет специфическую особенность их грамматического строя, Е.А. Бокарев еще в прошлом веке писал, что «этим дагестанские языки отличаются от яфетических языков южной или картвельской группы и яфетических языков северо-западной или абхазо-черкесской группы» [1, с. 56].

Современная лингвистика, как известно, заимствовала термин «падеж» из античной науки, где данный термин располагал более широким значением и подразумевал не только всякого рода изменения имени, но и изменения глагола. В статье «О категории падежа (применительно к дагестанским языкам)» Е.А. Бокарев указывал на то, что «понятие падежа, система падежей и связанная с этим специальная терминология постепенно переходят от греков к римлянам и другим народам, приспособляются к различным и

разнотипным языкам. Иногда это приспособление оказывается удачным, учитывающим специфические особенности того или иного языка, своеобразие его грамматического строя; иногда же это приспособление носит характер совершенно некритического слепого подражания» [2, с. 30].

Традиция разграничения пространственных и непространственных значений местных падежей в дагестанских языках восходит также к Е.А. Бокареву [1, с. 56–68]. Именно он обратил внимание на то, что «образование местных падежей в дагестанских языках в большинстве случаев представляет собой поразительно четкую и симметричную систему. Местные падежи, близкие по своему значению, обозначаются близкими по форме показателями. Поэтому их рассмотрение можно производить не поодиночке, а объединенными в группы, получившие в специальной литературе название “серий”» [1, с. 56–57].

Многочисленные местные падежи во всех дагестанских языках получили довольно стройный и обозримый вид благодаря Л.И. Жиркову. Ученый первым разделил многочисленные и разнообразные пространственные падежи по сериям. Это существенным образом облегчило дальнейшее исследование падежных систем дагестанских языков. В одну серию были объединены падежи, близкие как по значению, так и по формальным показателям, падежи, ориентирующие предмет в одном и том же пространственном плане [3].

Аварский язык, в котором также представлены многочисленные местные падежи, служащие для передачи разнообразных пространственных отношений, является одним из наиболее изученных языков Дагестана. Хотя в научной литературе по аварскому языку вопрос об образовании и функциях местных падежей получил довольно широкое освещение, все же в работах разных исследователей наблюдаются расхождения как в вопросах количества местных падежей, так и их терминологии.

Прежде чем приступить к исследованию местных падежей аварского языка, следует определиться с терминологией, применяемой в работе, и с вопросом, можно ли местные падежи дагестанских языков, собственно, относить к категории падежа? В последнее время в дагестанских языках одним из активно дискутируемых вопросов является проблема квалификации местных (пространственных, или семантических) падежей: считать их падежами или послеложными сочетаниями?

При исследовании местных падежей аварского языка мы исходили из методологической установки Е.А. Бокарева о том, что «подходя к вопросу о системе падежей в дагестанских языках, мы прежде всего должны отбросить попытки строить систему их падежей, исходя из системы какого-либо другого языка: латинского, русского, арабского, грузинского и т.д.; также мы должны отбросить и попытки строить эту систему исходя из «оголенных» значений, взятых в отрыве от их материнской оболочки. Система падежей каждого дагестанского языка, как и всякого языка вообще, определяется особенностями его собственного грамматического строя, совокупностью форм выражения соответствующих значений» [2, с. 43].

Семантические (или обстоятельственные падежи) в отличие от синтаксических (абстрактных или грамматических) падежей выражают некоторый смысл – но лишь наряду с некоторой синтаксической ролью.

Падежные функции, как известно, связаны с тем фактом, что «падеж в большинстве языков оказывается главной (и практически единственной) словоизменительной синтаксической категорией имени; собственно, словоизменение имени (= склонение) и его изменение по падежам в традиционной грамматической терминологии фактически являются синонимами. В сущности, падеж является смешенной семантико-синтаксической категорией, семантические аспекты употребления которой могут быть то более, то менее

отчетливы – в зависимости от конкретной падежной граммы и от организации падежной системы в целом» [4, с. 163–164].

Язык – это система, а система есть целостный объект, который состоит из элементов, находящихся во взаимных отношениях. При рассмотрении языка как системы необходимо принимать во внимание тот факт, что разные языки выполняют одни и те же функции, однако их элементы (составляющие структуру языка) функционируют по-разному. Для реализации одной и той же языковой функции в разных языковых системах существуют свои особенности ее выполнения – чаще всего разными языковыми единицами.

В дагестанских языках имеет место явно выраженная «синтаксизация» пространственных падежей, т.е. пространственные падежи используются не только для выражения определенной пространственной семантики, но и для выражения определенных синтаксических отношений. Как указывает В.А. Плунгян, «во многих нахско-дагестанских языках наблюдается постепенная «синтаксизация» пространственных падежей: многие падежи начинают кодировать не только локативные роли (например, глагол «бояться» может управлять суб- или апуд-элативом, глагол «сражаться» – апуд-эссивом и т.п.); с другой стороны, многие пространственные отношения начинают выражаться сочетанием падежа и послелога» [4, с. 177]. То есть наблюдается такая тенденция: для выражения чисто пространственных значений предпочтение отдается послеложным конструкциям; для выражения абстрактных отношений предпочтительными оказываются местные падежи имен.

Традиционно считалось, что в отличие от других местных падежей инэссив (локатив третьей серии) в аварском языке образует ограниченное количество слов, и поэтому он не получил такого широкого распространения, как локативы первой и второй серий. Такая точка зрения является преобладающей.

Семантика локализации объекта в пространстве в аварском языке передается формантами, выражающими определенное местонахождение предмета в пространстве по отношению к другому предмету: формант *-mI-*, выражающий нахождение предмета на поверхности, на горизонтальной плоскости; формант *-d-*, выражающий нахождение предмета на поверхности, на вертикальной плоскости; формант *-xʒ-*, выражающий нахождение предмета вблизи ориентира, формант *-lʒ-* и форманты *-b-*, *-v-*, *-j-*, *-p-*, (т.е. меняющиеся классные показатели), выражающие нахождение внутри ориентира; формант *-kʒ-*, выражающий нахождение под ориентиром.

Семантика направления передается формантами, выражающими двигательные состояния относительно ориентира. К этой группе относятся: формант *-a-*, выражающий отсутствие приближения или удаления; формант *-e*, выражающий приближение к ориентир; форманты *-a-*, *-ssa-*, выражающие удаление от ориентира, и формант *-h-*, выражающий движение через (сквозь) ориентир [5, с. 35].

Начальную форму всех серий местных падежей представляет собой локатив (или по другой терминологии – эссив). Наибольшее распространение в аварском языке получил локатив I серии (или суперэссив). Он обозначает нахождение предмета на поверхности в состоянии покоя, отвечает на вопрос «киб?», «где?». Представлен формантом *-da*, например: *магIар-да* «на горе», *кгада-да* «на стене»; *гъотIо-да* «на дереве», *бакIи-да* «на стуле», *ботIро-да* «на голове». Примеры: *МагIарда чан букIаго, чурун хъаг цIеда лъоге* «Пока тур в горах, не ставь чистую кастрюлю на огонь». *МагIардаги гIундул ругел, гIалхудаги берал ругел* «У гор уши есть, у поляны глаза есть».

Кроме указания на нахождение предмета на поверхности, локатив I серии может также указывать на место, где происходит или может происходить какое-либо действие, напр.: *школал-да* «в школе», *азбарал-да* «во дворе», *авлахгал-да* «на поле», *майдал-да* «на площади», *площадал-да* «на площади», *хурзабаз-да* «на полях» и т.д. На расшире-

ние функции локатива первой серии в аварском языке обратил внимание еще Ш.И. Микаилов. Он писал, что «... первоначальная семантика этого падежа локализовалась на конкретных предметах для показа нахождения на их поверхности <...>. Затем локатив I свою функцию распространил на другие существительные тоже с конкретно-локальным значением, но уже спустившимся с поверхности предмета внутрь его» [6, с. 64].

Локатив второй серии (или адэссив) указывает на нахождение объекта у (возле, вблизи) ориентира, напр.: *гГуру-хъ* «у реки», *коло-хъ* «у хутора», *хГори-хъ* «у пруда»; *ваццассу-хъ* «у брата». Примеры: *Гъабихъ вугев вакъуларо, корохъ вугев вугъунаро* «Тот, кто у мельницы, не проголодается, тот, кто у камина, не замерзнет». *Лъгарахъе цвечГого, хъитал рахъуге, чорхол хГал лъачГого, рагГиги бицунге* «Пока не дошел до речки не разувайся, пока не определишь состояние здоровья, не говори слова».

Локатив третьей серии (или интерэссив) указывает на нахождение объекта внутри ориентира. Причем ориентиром может быть не всякий предмет, а лишь сыпучие вещества, жидкости, твердые тела, например: *салу-лълъ* «в песке», *гГуру-лълъ* «в реке», *ракъу-лълъ* «в земле». Локатив третьей серии может называть также нахождение в предмете, представляющем собой собирательное единство, например: *росулълъ* «в селе». Иногда локатив третьей серии может обозначать нахождение предмета среди множества однородных предметов, например: *гГадамазулълъ* «среди людей», *гГалимзабазулълъ* «среди ученых», *цЦалдохъабазулълъ* «среди учеников» и т.д. Примеры: *ХГарцулъ тГилал къабунни, тГираби дудеги цолел* «Если ударишь в грязь палкой, брызги до тебя тоже долетят». *ХГарцулъге рехунилан месед чоруклъулареб* «Если даже бросить в грязь, золото не пачкается». *Наккдалъ бахчун, варани тГубаларо* «Нельзя прятать верблюда в соломе». *ХГарцулъ цГалги къабуге, цГалкГинибе лъимги тГоге* «Не бей в грязь плетью, не лей в сито воду».

Локатив четвертой серии (или субэссив) указывает на нахождение предмета под ориентиром, например: *гГазукъ* «под снегом», *къурукъ* «под скалой», *гъотГокъ* «под деревом», *ганчГикъ* «под камнем», *цЦаГадакъ* «под дождем», *хГатГикъ* «под ногами», *зодикъ* «под небом» и некоторые другие. При этом не представлена семантика наличия или отсутствия контакта.

Локатив пятой серии (или инэссив) указывает на нахождение внутри полого предмета. Особенностью локатива пятой серии является наличие в его форманте меняющегося классного показателя:

гГертГини-б лъим буго «в кувшине вода (есть)» (3 грамматический класс);

рохъо-в вас вуго «в лесу мальчик (есть)» (1 гр. кл.);

рокъо-й яс йиго «в доме девочка (есть)» (2 гр. кл.);

рокъо-р лъимал руго «в доме дети (есть)» (мн. число).

Аллативы (падежи направления) образуются от соответствующих локативов (эссивов) при помощи форманта *-е*, в некоторых говорах выступает его звуковой вариант *-и*, например: *рокъов-е* «домой», *къватГив-е* «на улицу», *гъудулаассухъ-е* «к другу», *гъоболассухъ-е* «к кунаку» и т.д. Примеры: *Рокъоб чед бугесда чияр мацГ лгаларо* «У кого дома хлеб, тот чужого языка не знает». *Рокъоб къадру гъечГесул къватГибги букГунареб* «У кого нет уважения дома, у того не будет уважения и на улице». *Рокъоб гамачГ къулГизе кканиги, къватГиб лгазе тогейила* «Если даже придется проглотить камень дома, не дай знать (об этом) на улице».

Аллатив первой серии (суперлатив) показывает движение на поверхность предмета: *гъотГоде* «на дерево», *ботГроде* «на голову», *гГинзуде* «на ухо». Он имеет в языке широкое употребление. Аллатив от названий местных населенных пунктов и слова *шагъар* «город» обозначает движение внутрь ориентира и переводится на русский язык вини-

тельным падежом с предлогом «в», например: *шагьаралде* «в город», *МахIачхъалаялде* «в Махачкалу», *Буйнакскиялде* «в Буйнакск» и т.д. Примеры: *Рокъобе нух кидаго гIагараб* «Дорога домой всегда короче». *Рохъобе тIил босуге, ралъдалъе лъимги тIоге* «Не бери палку в лес, не лей воду в море». *Рохъобе тIил босуге, тIилица хур бекъуге* «Не бери палку в лес, палкой поле не паши» и т.д.

Аллатив (направительный падеж, адлатив) второй серии указывает на направление движения к предмету и образуется одинаково во всех трех склонениях – путем прибавления форманта *-хъе* к косвенной основе: *магIарулассу-хъе* «к аварцу (к горцу)», *рукъалъу-хъе* «к дому», *гIуру-хъе* «к реке», *васассу-хъе* «к мальчику», *гъаби-хъе* «к мельнице» и т.д.

Аллатив (направительный падеж, интерлатив) третьей серии указывает на направление внутрь ориентира (соответственно слов, относящихся к третьей серии) например: *салулълъе* «в песок»; *ракъулълъе* «в землю». Образуется аллатив третьей серии (интерлатив) от усеченной косвенной основы имени путем прибавления формата *-лълъе*: *гIуру-лълъе* «в реку»; *ралъда-лълъе* «в море»; *магъи-лълъе* «на пашню»; *цIуIаму-лълъе* «в соль».

Аллатив (направительный падеж, сублатив) четвертой серии указывает на приближение: *ганчIи-къе* «под камень», *цIуIада-къе* «под дождь». Аллатив четвертой серии (сублатив) образуется от косвенной основы имени путем прибавления к ней форманта *-къе*: *рагIду-къе* «под тень», *гонги-къе* «под желоб», *зоди-къе* «под небо», *къуру-къе* «под скалу». Аллатив четвертой серии употребляется в аварском языке очень редко, во-первых, из-за ограниченности количества слов, относящихся к четвертой серии, во-вторых, из-за вытеснения аллатива четвертой серии описательными формами. Этот процесс особенно распространен в южных диалектах аварского языка. Для диалектов южного наречия более предпочтительны послеложные сочетания типа: *гъотIода аххакъе* (лит. *гъотIокъе*) «под дерево», *ганчIида аххакъе* (лит. *ганчIикъе*) «под камень», *къурда аххакъе* (лит. *къуру-къе*) «под скалу» или локативы других серий, например: *рассдахъе* (лит. *рагIдукъе*) «под тень» [7, с. 38].

Аллатив (направительный падеж, инлатив) пятой серии показывает, как правило, движение внутрь полого предмета: *яцикалгългубе* «в ящик», *кIалдибе* «в рот», *рокъове* «домой», *гъоробе* «в сарай», *гIертIинибе* «в кувшин» и т.д. Направительный падеж пятой серии может выражать также движение в определенную часть ограниченного пространства, например: *рохъове* «в лес», *пастIанибе* «в огород», «на бахчу» и т.д. Аллатив пятой серии (инлатив) образуется путем прибавления соответствующего показателя класса и числа и форманта направительных падежей *-е* к косвенной основе имени: *рокъо-б-е* «домой», *бади-б-е* «в глаз», *кIалди-б-е* «в рот».

Элатив (падеж удаления) указывает на удаление с места локализации, представлен двумя формантами: *-сса* для первого и пятого серий и *-а* для второй, третьей и четвертой серий (*-хъа*, *-лъа*, *къа*), например: *рокъо-сса* «из дома», *къватIи-сса* «с улицы», *лълъгарахъ-а* «от ручья», *колохъ-а* «от хутора», *ракъулълъ-а* «из земли», *салулълъ-а* «из песка», *бакъукъ-а* «из-под солнца», *къурукъ-а* «из-под скалы» и т.д. Примеры: *КъватIиса чIужу ячани, рукъалда аскIоб рукъ букIунаро, хуралда аскIоб хур букIунаро* «Если женишься на женщине с другого селения, то (в своем селении) не будет дома около дома и не будет поля около поля». *КъватIиса щолеб гIарацалдаса рокъоб щолеб пахъго лъикI* «Чем серебро, получаемое со стороны, лучше олово, получаемое дома».

Элатив (падеж удаления) первой серии указывает на удаление с поверхности предмета: *столалдасса* «со стола», *рукъалдасса* «с дома» *магIардасса* «с горы». Гораздо реже элатив первой серии (суперэлатив) указывает на удаление с места, где происходит какое-

либо действие: *базаралдасса* «с базара», *школалдасса* «со школы». Образуется элатив первой серии (суперэлатив) путем прибавления форманта *-сса* к форме локатива первой серии: *рагIалда-сса* «с краю», *магIарда-сса* «с горы», *ботIрода-сса* «с головы».

Элатив (падеж удаления) второй серии указывает на движение от ориентира, например: *магIарухъа* «с гор», *лълъарахъа* «от ручья», *колохъа* «с хутора» и т.д. Образуется адэлатив от формы локатива второй серии плюс формант *-а*, например: *гордухъ-а* «от окна», *гIурухъ-а* «от ручья», *магIарухъ-а* «с гор», *хIорихъ-а* «от пруда» и т.д.

Элатив (падеж удаления) третьей и пятой серий показывает движения изнутри предмета (сплошного пространства), например: *салулълъа* «из песка», *рокъосса* «из дома», *гIурулълъа* «из реки». Элатив третьей и пятой серий образуется также на базе соответствующих локативов с помощью формантов *-а* (эл. III) и *-са* (эл. V): *росулълъа* «из села», *ххарилълъа* «из травы». Формант *-а* присоединяется непосредственно к форме локатива третьей серии. При образовании удалительного падежа пятой серии показатель класса и числа заменяется формантом *-сса*, напр.: *рокъо(б)-сса* «из дома», *гъоро(б)-сса* «из сарая», *ящикалъу(б)-сса* «из ящика» (эл. V).

Элатив (падеж удаления) четвертой серии указывает на движение из-под предмета: *ганчIикъ-а* «из-под камня», *бакъукъ-а* «из-под солнца», *къурукъ-а* «из-под скалы». Образуется элатив четвертой серии от формы локатива четвертой серии прибавлением форманта *-а*. Употребляется реже в пространственном значении и чаще в абстрактном значении.

Транслатив (падеж посредства или проходительный падеж) указывает на то, что предмет движется через соответствующую часть пространства, отвечает на вопрос *киссан?* «через что?». Формант транслатива *-н*. Этот падеж в аварском языке выделяют не все исследователи. М.-С.Д. Саидов в учебниках дает формант транслатива *-н* в скобках, после исходных падежей, а в словаре все исходные падежи даются им в форме транслатива без указания на то, что имеются также исходные формы без показателя *-н* [8, с. 730–743].

В классификации местных падежей Г.И. Мадиевой [9, с. 44–46] транслатив также не выделяется как отдельный падеж. Правда, Г.И. Мадиева после элатива в скобках указывает формант транслатива *-н* и отмечает, что когда элатив имеет в конце *-н*, то действие происходит через что-то [9, с. 44–46].

Не выделяют транслатив как отдельный падеж также А.С. Чикобава и И.И. Церцвадзе [10 с. 163–164]. Очевидно, это объясняется тем, что транслатив очень близок к элативу, как с точки зрения семантики, так и с точки зрения формальной структуры.

Транслатив как самостоятельный падеж выделяют в аварском языке П.К. Услар [11, с. 66–82], З.М. Магомедбекова [12, с. 90–92], М. Абдуллаев и Я. Сулейманов [13, с. 68–73], Г. Шарашидзе [14, с. 58–59], З.М. Маллаева [15, с. 13]. Так, например, З.М. Магомедбекова утверждает, что «падеж транслатива «не слился» с элативом и «не исчез». Морфологически и функционально эти падежи разные, оба они употребительны и тенденции к «совпадению» и «слиянию» пока не проявляют» [12, с. 92]. Мы также выделяем транслатив как самостоятельный падеж, который имеет самостоятельную форму выражения и семантическое содержание.

Транслативы всех серий образуются от соответствующих элативов прибавлением форманта *-н*, например: *МахIачхъалаялдасса-н* «через Махачкалу», *тIасса-н* «сверху», *гъоркъа-н* «снизу», *рохъосса-н* «через лес», *ахикъа-н* «через сад» и т.д.

Транслатив первой серии обозначает движение через поверхность какого-либо предмета: *магIардассан* «через гору», *шагъаралдассан* «через город», *нухдассан* «через дорогу» и т.д.

Транслатив второй серии обозначает движение через ориентир, например: *колохган* «через хутор», «мимо хутора» *гIурухган* «через реку, мимо реки» и т.д.

Транслатив третьей серии обозначает движение через сплошную среду, например: *салулгълган* «через песок», *росулгълган* «через село», *гIурулгълган* «через реку» и т.д.

Транслатив четвертой серии обозначает движение через из-под предмета, например: *кьурукьан* «через (из-под) скалу», *гьотIокьан* «из-под дерева», *бакгукьан* «через, из-под солнца» и т.д.

Транслатив пятой серии показывает движение через полый предмет: *рокгьоссан* «через дом», *рохьоссан* «через лес» и т.д.

Шестая серия не отмечена в аварском литературном языке, но достаточно широко представлена по всем диалектам аварского языка с соответствующими суффиксами. Данная серия местных падежей употребляется главным образом тогда, когда указывается на положение и движение предмета на горизонтальной поверхности.

Кроме перечисленных выше местных падежей, в аварском языке представлены также послеложные конструкции, выражающие общее направление. Общенравительные формы со значением приближения образуются от соответствующих аллативов путем прибавления к ним послелога *-ххун*. Они отвечают на вопрос *кибеххун?* «в каком направлении?» и указывают на движение по направлению к ориентиру, не имея в виду результат действия, например: *шагьаралдеххун* «по направлению к городу» (I серия), *гIурухгьеххун* «по направлению к реке» (II серия), *росулгьеххун* «по направлению к селу» (III серия), *бакгукьеххун* «по направлению под солнце» (IV серия), *рохьовеххун* «по направлению к лесу» (V серия).

Формы с противоположным значением – со значением удаления образуются от соответствующих элативов посредством прибавления к ним послелога *-ххун* и обозначают направление удаления от ориентира. Данные формы отвечают на вопрос *киссаххун?* «по направлению откуда?». Например: I серия – *шагьаралдасссаххун* «по направлению из города», II серия – *гIурухгьаххун* «по направлению от реки», III серия – *росулгьаххун* «по направлению от (из) села», IV серия – *бакгукьаххун* «по направлению из-под солнца», V серия – *рохьосссаххун* «по направлению из леса».

В качестве средств, указывающих на направление движения, в разных языках используются такие средства, как: глагольный корень, глагольный префикс (преверб), предлог, послелог, именной суффикс.

Подвергая сомнению наличие большого количества местных падежей в дагестанских языках, А.Е. Кибрик отмечает, что «про дагестанские языки часто говорят, что они имеют чрезвычайно многочисленные падежные системы, превышающие иногда сорок единиц. Однако эти так называемые падежи не являются гомогенным множеством форм, и имеются веские основания разделить их на две группы. Одна группа – грамматические падежи, в свою очередь, делящиеся на ядерные и периферийные, – во многих отношениях подобна обычным падежам, известным в других языках, а другая имеет особые формальные функциональные свойства» [16, с. 197].

Понятийная категория локализации – это одна из основных универсальных категорий, существующих в каждом языке, поскольку пространство было, остается и всегда будет той независимой от конкретных условий существования конкретного языка сущностью бытия, которая релевантна для всех людей, для всех языков. Именно с восприятия пространства начинается для человека процесс познания мира. Все, что окружает человека, так или иначе локализовано в пространстве. И, несмотря на разное восприятие пространства разными народами, на наличие разных средств выражения локализации в разных языках, данная понятийная категория так или иначе присутствует в языковой картине мира любого народа. Особый интерес в этом плане представляют дагестанские языки, в которых представлено

большое количество грамматических средств, выражающих локализацию объекта в пространстве относительно ориентира [17, с. 103].

Выражая близкое расположение двух предметов, локатив II не уточняет, соприкасаются ли эти предметы или разделены некоторым расстоянием. Подобная семантическая дифференциация выражается с помощью послелогов [18, с. 408].

Как отмечают З.М. Маллаева и М.К. Меджидова, «в аварском языке семантика локализации «за» ориентиром, «позади» ориентира в системе местных падежей не представлена. Однако данная семантика имплицитно содержится во второй серии местных падежей, выражающей семантику локализации «у», «около», «возле», «вблизи» ориентира: *гIуру-хъ* «у реки», *коло-хъ* «у, возле хутора», *хурзаба-хъ* «возле полей» и т.д.

Например, фраза *кIалтIухъ чIоге, жаниве вачIа* может означать как «не стой у порога, заходи», так и «не стой за порогом, заходи» [19, с. 47].

В ряде случаев локатив третьей серии может обозначать нахождение предмета среди множества однородных предметов. Традиционно считалось, что в отличие от остальных серий, локатив третьей серии в аварском языке образует ограниченное количество слов, и поэтому он не получил такого широкого распространения как, например, локативы первой и второй серий. Однако в упомянутой выше статье З.М. Магомедбековой [20, с. 161–169] на многочисленных примерах достаточно убедительно показана несостоятельность этого положения. Автор выявляет широкий круг имен, входящих в эту серию. З.М. Магомедбекова доказывает, что «основной функцией локативной серии на «I» является не столько «нахождение» предмета внутри собирательной или сплошной среды, сколько отражение проникания, проницания предмета или абстракций (мысль, дума, злоба, зависть, вдохновение, наитие, экстаз, любовь и т.д.) в соответствующую среду: жидкую, собирательную» [20, с. 163].

Форманты локатива третьей серии по диалектам аварского языка различаются не сильно. Исследователи традиционно выделяют формант северного наречия *-лI* и формант южного наречия *-лълъ*. Незавершенность аварской орфографии приводит к тому, что функционирующий в северном наречии и в целом в литературном языке формант *-лI* на письме не отражается. М.А. Магомедов отмечает: «Наиболее полно формы на *-лI* представлены в хунзахском диалекте северного наречия. Здесь они используются и в тех случаях, где в южном наречии диалекты, имеющие формы на *-лълъ* прибегают к описательному способу выражения. В других диалектах северного наречия также формы на *-лI* вытесняются описательными» [21, с. 137].

Кроме того, локатив четвертой серии образуют слова, обозначающие одежду: *буртинадукъ* «под буркой» (*буртина* «бурка»), *гордикъ* «под рубашкой» (*горде* «рубашка»), *тIингъикъ* «под шубой» (*тIимугъ* «шуба») и т.д. Субэссив (локатив четвертой серии) от слов, обозначающих одежду, всегда выражает дополнительную семантику «наличия контакта», «пребывания в тесном контакте».

Для остальных слов семантика наличия – отсутствия контакта нерелевантна, например: *бакъукъ* «под солнцем» (отсутствие контакта) и *ганчIикъ* «под камнем» (наличие контакта).

Семантика расположения внутри полого пространства в аварском языке передается посредством инэссива, который традиционно называется локативом (или эссивом) пятой серии. Локатив пятой серии выполняет ту же функцию, что и локатив третьей серии, но в отличие от последнего, выражает пространственные отношения, показывающие нахождение внутри предмета, главным образом, такого, который имеет внутри пустоту и является вместилищем для чего-нибудь. Особенностью локатива пятой серии в аварском языке является наличие в его форманте меняющегося классного показателя.

Инэссив (локатив пятой серии) в аварском языке образует также отграниченное количество слов, не выражающих семантику полого пространства. В аварском литературном языке в составе формантов инэссива (локатива пятой серии) всех типов слов представлен классный показатель. В диалектах классный показатель не всегда представлен. Так, например, в батлукском диалекте аварского языка, по сведениям Ш.И. Микаилова, инэссив (локатив пятой серии) не имеет в форманте показателя грамматического класса, ср.: батл. *кодо* – лит. *кодоб* «в руке»; батл. *зодо* – лит. *зодоб* «на небе» и т.д. [6, с. 54–55].

Наречие места признается в качестве древнейшего способа выражения пространственных отношений. Для передачи локальной и направительной семантики отношению к имени существительному наречие занимает постпозицию, образуя вместе с ним фиксированное (последложное) словосочетание, например: *бакIуда тIад* «на стуле», *бакIуда гзоркь* «под стулом», *бакIуда аскIоб* «рядом со стулом», *бакIуда ццебе* «впереди стула», *бакIуда нахга* «позади стула» и т.д. Последлоги и последложные конструкции представлены во всех дагестанских языках. Это наиболее распространенное синтаксическое средство выражения пространственной семантики во всех дагестанских языках. Последлоги-наречия в аварском языке как служебные слова, выражают разного рода семантические отношения, чаще всего – пространственные, затем временные, причинные целевые и т.д. Последлоги-наречия в аварском языке многофункциональны. Функцию наречия они выполняют в предложении, когда выступают как самостоятельные слова в роли обстоятельств места. И как служебные слова выступают в функции послелого в сочетании с именем в определенном падеже.

Для выражения аналогичной семантики наречие места по отношению к глаголу стоит в препозиции, «образуя вместе с глаголом специфическое словосочетание с фиксированным линейным отношением» [22, с. 188]. В ряде дагестанских языков наречие места в данной функции уже давно перешло в разряд превербов. Однако преобразование послелого в преверб в дагестанских языках не был однозначным процессом и протекало по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокарев Е.А. Выражение субъектно-объектных отношений в дагестанских языках // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1948. Т. VII, вып. I. С. 57–68.
2. Бокарев Е.А. Эргативный падеж в языках цезской группы горских языков Дагестана // Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954. С. 153–161.
3. Жирков Л.И. Краткая грамматика аварского языка // Аварско-русский словарь. М., 1936. 187 с.
4. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.
5. Магомедов М.И. Падежное кодирование субъекта и объекта в аварском языке // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1995. С. 33–39.
6. Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959. 511 с.
7. Магомедов М.И. Соотношение членов предложения с послелогом в аварском языке // Тезисы докладов аспирантов, соискателей и молодых ученых IX международного коллоквиума ЕОК. Махачкала, 1998. С. 37–38.
8. Саидов М.-С.Д. Краткий грамматический очерк аварского языка // Аварско-русский словарь. М., 1967. 806 с.
9. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. 160 с.
10. Чикобава А.С., Церцвадзе И.И. Аварский язык. Тбилиси, 1962. 422 с. (На груз. яз.).
11. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III: Аварский язык. Тифлис, 1869. 550 с.

12. *Магомедбекова З.М.* Локативные падежи в аварско-андийских языках // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987. С. 86–92.

13. *Абдулаев М., Сулейманов Я.* Аварский литературный язык. Махачкала, 1965. 261 с. (На авар. яз.).

14. *Charachidze G.* Grammaire de la lanque avar (lanque du Caucase Nord-Est). Editions – Jean Favard, 1981. 188 с.

15. *Маллаева З.М.* Система временных и пространственных отношений в аварском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1989. 25 с.

16. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные в языке. СПб.: Алетейя, 2003. 661 с.

17. *Магомедов Д.М.* Выражение субъектно-объектных отношений местными падежами в аварском языке // Вестн. Даг. науч. центра. 2017. № 66. С. 101–105.

18. *Магомедов Д.М.* Пространственные падежи и послеложные конструкции в аварском языке // Материалы III Международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2013. С. 407–409.

19. *Маллаева З.М., Меджидова М.К.* Грамматикализация пространственной семантики в системе имени дагестанских языков. Махачкала, 2008. 164 с.

20. *Магомедбекова З.М.* О функциональных особенностях локативных серий на «l`» и «b» в аварском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1986. Т. XII. С. 161–169.

21. *Магомедов М.А.* Некоторые вопросы передачи пространственных отношений локативными падежами в аварском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С. 133–139.

22. *Хайдаков С.М.* Характер функционирования послелогов, превербов и местных падежей в дагестанских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С. 181–192.

Поступила в редакцию 12.06.2017 г.

Принята к печати 26.12.2017 г.